

Н. Н. Джанаев
трест «Севкавцветметразведка»
начальник геологоразведочной
партии
(до выхода на пенсию)

На Садонском руднике в 1946 г. (воспоминания горного мастера)

В силу независящих от меня обстоятельств, я работал на СУБР-е (Северо-Уральских бокситовых рудниках) в период прохождения так называемой государственной проверки и после нее. СУБР был тогда недоизученным объектом, разведывался и эксплуатировался параллельно и очень интенсивно, так как снабжавшее почти всю страну алюминием Тихвинское месторождение оказалось в оккупации у немцев. Война же требовала все больше и больше алюминия.

С самого начала нашего пребывания на СУБРе (октябрь 1943 года) руководство рудника назначило меня бригадиром очистной бригады. Наша бригада вручную носилками переносила оставшуюся в бывшем карьере после экскаватора руду и перепускала ее через рудоспуск в шахту. Эта работа длилась до наступления настоящих сибирских холодов (за -40 °С). Жили в палатках на открытом воздухе. Но когда устойчиво низкие температуры стали постоянными, нас разбросали по подземным участкам и я, вопреки логике, был назначен приказом

по руднику начальником смены (меня при этом не спросили). Не имея ни малейшего представления о подземных горных работах, я оказался начальником большой группы людей – смены в 45–50 человек.

Я стал учиться у своих же рабочих: переписываю задания по забоям из книги нарядов, дам задания рабочим по профессиям, а потом несколько раз за смену оббегаю все забой и смотрю, что и как делается. Начальство убедилось, что я ничего не смыслю в проводимых работах, и я это, конечно, чувствовал. Начальник участка, хотя и относился ко мне покровительственно, как к земляку, стал требовать у руководства рудника мне замену, но заменить было нечем. За 2–2,5 месяца я похудел на 10–15 кг, но азы горного дела, можно сказать, уже освоил. Я не чурался никакой работы, и за смену, кроме того, что был в ответе за все и всех, выполнял 1,5–2 установленных нормы работ (бурил, крепили и даже лопатой орудовал не хуже любого забойщика). Я не имел права ответственного ведения работ, но выполнял все работы вплоть

до взрывных по посадке слоя. Работали в две смены по 12 часов, без выходных, об отпусках и думать никто не смел. Через некоторое время меня назначили начальником участка – я хоть и сопротивлялся, как мог, но участок принял.

Еще через какое-то время меня назначили начальником шахты № 1 Северной Южной рудника. В мае 1945 года этой шахтой (нашей) был установлен рекорд года в системе МЦМ СССР по проходке выработок одним забоем со сплошным креплением – 162,4 м за месяц. Об этом писала газета «Правда» в июне 1945 года. Я эту статью читал в перепечатанном виде в «Свердловской правде».

...В ноябре 1945 года я вернулся в Северную Осетию. В начале марта 1946 года, после неудачных попыток найти более или менее подходящую работу, решил поступить в Садонский рудник. Начальником его был Хетагуров Герман Васильевич. Посмотрев мои документы, он заявил: «У нас таких производственных единиц, как шахты, нет. Есть участки, но они укрупнены ИТР полностью. Если хотите, примем вас горным мастером». Меня это устраивало.

Через день меня ознакомили с приказом по Рудоуправлению о моем назначении мастером шахты РЭШ. Начальником участка был некто Пермяков, довольно интеллигентный человек, что не так часто встречалось на рудниках (спустя пару десятков лет был я в Запорожье по служебным делам и узнал случайно, что мой бывший начальник Пермяков работает профессором в местном горном институте).

...Садонский рудник в то время работал в три смены. Я был доволен работой, так как оставалось достаточно много времени для отдыха. Главное – отработал смену и ни за что до следующей смены не отвечаешь, а со сменными заданиями мне было легко справиться после приобретенного на Урале опыта работы. Правда, мой начальник, Пермяков, быстро уловил, что меня можно и другими работами загружать, если, например, по какой-либо причине не вышел на работу мастер другой смены или взрывник в мою смену и т.д.

Основная работа на нашем участке РЭШ заключалась в проходке горных выработок, что же касается системы разработки, применяемой здесь – она была мне незнакома. На СУБРе я работал на системах слоевого обрушения, а здесь – горизонтальными слоями с закладкой снизу вверх. По соседству с нашей шахтой, начальником III Кировского участка работал М.И. Лисицын, и чтобы познакомиться с системой отработки, я как-то попросил его показать свои выработки. Когда поднялись с ним в забой

я, признаться честно, потерял дар речи. Мощность рудной жилы порядка 5–6 метров, и при этом нет пустой породы. Сфалерит (цинковая руда) вперемежку со свинцовым блеском играл всеми цветами радуги под светом наших карбидных ламп. Равнодушным при виде такой красоты, думаю, не мог остаться ни один человек. В забое идеальный порядок: крепление, как на картинке – до груди забоя, полы настланы из обрезных досок не только у забоя, но и по всей ленте. Одним словом, за многолетнюю работу на горных предприятиях ни до, ни после я такого идеального порядка не видел.

Начальник участка М.И. Лисицын всегда «ходил в именинниках», план перевыполнял – не только рудник, но и рудоуправление было о нем самого высокого мнения. В момент нашего посещения забойщики практически ничего не делали, но при виде начальства не спеша зашевелились. На мой вопрос – почему они сидят, Лисицын ответил: «Еще не пришла их очередь, будет команда, они заработают». И пояснил – сейчас трудится Рябыхов (начальник соседнего участка), который перевыполнял план по объему за счет бедных руд, то есть «качал» из давно отработанных блоков закладку с мизерным содержанием металлов. Вообще, насколько я понимал, план по добыче руды был не очень напряженным. Видимо, основной упор министерство делало на восстановлении прежней мощи рудника, то есть достижении тех объемов, которые он имел до войны.

Примерно за неделю до конца месяца поступал от руководства рудоуправления окрик – «Вы проваливаете план по выполнению добычи металлов». Вот тогда Лисицын со своим коллективом вступал в работу. Руду он выдавал, по содержанию равную содержанию концентратов, а то и выше. Как только месячный план по металлу рудоуправление выполняло, опять следовало указание «прекратить работу на целиках». Этот участок отработывал остатки былой роскоши Садонского месторождения – охранные целики шахты «Кировского ствола».

...Зарботная плата всех категорий работников была низкая: оклад мастера – 120 рублей, начальника участка – 150 рублей, но нужно было подписываться на заем в размере месячного оклада, кроме того, налоги, взносы и т.д., от которых никак нельзя было отказаться. Однако и эту зарплату платили нерегулярно, приходилось питаться в столовой в долг. Собственно, питание и было основной статьей расходов, т.к. в 1946 г. магазины или были пусты или что-то отпускали по талонам, которых, как правило, у нас не было.

Условия труда были неимоверно тяжелые, а точнее – адские, особенно на нижних гори-

Справка №...

13 марта 1996 г. г. Владикавказ

В УФСБ РФ по Республике Северная Осетия – Алания имеются следующие сведения на Джанаева Николая Николаевича, 1919 года рождения, уроженца с. Нар Садонского р-на Северо-Осетинской АССР.

В феврале 1940 г. был призван Ордпокидзевским ГВК в армию. Служил в 334 отд. зенитно-артиллер. дивизионе, который попал в окружение в м. Гребёнка Киевского фронта в сентябре 1941 г. Джанаев Н.Н. был взят в плен немцами и этапирован в лагерь военнопленных (г. Дубны), откуда совершил побег. Начав пробираться на восток, на переправе через реку Лсёл был снова захвачен немцами и отправлен в лагерь в г. Полтаву, затем в Кременчуг, Кировоград, откуда снова бежал с этапа. В Ростовской области после неудачной попытки перейти через линию фронта был задержан немцами и угнан в лагерь военнопленных в г. Мариуполь, потом эшелонам вывезен в г. Сталино. В октябре 1942 г. сбежал из лагеря и 10 января 1943 г. добрался до г. Пятигорска. В Зольском районе (КБ АССР) перешёл через линию фронта, и 15 марта 1943 г. был отправлен Вольским РНК в г. Кировобад (лагерь К240). После прохождения госпроверки в составе рабочего батальона направлен на работу в г. Североуральск Свердловской области (Северо-Уральские бокситовые рудники), где работал на шахте «Капитальная» начальником смены, начальником участка; на Южном руднике – начальником шахты I Северная. В ноябре 1945 г. вернулся в Северную Осетию и с марта 1946 г. начал работать на Садонском руднике.

Данных об осуждении Джанаева Н.Н. не имеется.

Примечание: сведения получены из автобиографии Джанаева Н.Н. и опросного листа.

Начальник подразделения УФСБ РФ по РСО-А /...../

зонтах. Вряд ли кто может представить в наше время работу при температуре до 40 °С и более, очень высокой влажности воздуха, в завесе пыли, перекрывающей дыхание при первых же вдохах. Вентиляция в забоях полностью отсутствовала, хотя на устье Мизурской штольни стоял мощный вентилятор, который нагнетал воздух в Садонский рудник. Но струя, не имея выхода из выработок, уходила через ствол шахты Артем, упираясь, как в подушку, в горячий воздух выработок. Небольшую отдушину давали шипуны в трубах, а также было немного легче при работе перфораторов за счет сжатого воздуха от компрессорной станции, но и он был горячим после компрессоров.

Почти все шахтеры работали в чем мать родила. Когда выработки посещали геологи или маркшейдеры, они заранее подавали условный сигнал по трубам (в этих службах работали в основном женщины), рабочие надевали спецовки. Все работы велись без увлажнения взорванной массы. Бурильщики после работы больше походили на мельников, чем на шахтеров. Характерным для того времени было почти полное отсутствие в забойной группе рабочих из местных жителей – из Садона и прилегающих селений. Они работали, как правило, на вспомогательных работах – электриками, слесарями, лебедчиками, конюхами и т.д. Забойную группу до войны, как мне рассказывали, составляли приезжающие на заработки, в основном из Южной Осетии. Через некоторое время (2–3 года)

они увольнялись – истощенные, больные «шахтной чахоткой» (о силикозе тогда не имели понятия) – и уезжали к себе на родину, а на их место поступали новые – здоровые и крепкие. Конвейер «шахтной чахотки», силикоза, собирает свою дань и в наши дни, хотя некоторые меры, введенные руководством рудника в какой-то мере снизили заболеваемость.

Во время Великой Отечественной войны, как утверждали жители и бывшие рабочие рудника, работы частично прекратились. Большинство шахтеров ушло на фронт. Оборудование (особенно – ценное) было демонтировано и вывезено в Среднюю Азию. Однако руководство рудника по мере сил и возможностей старалось хоть как-то помогать фронту. Директором Садонского свинцово-цинкового комбината в то время был будущий профессор Северо-Кавказского горно-металлургического института И.А. Остроушко. Он знал, что поселок Садон стоит на отвале отсортированной цинковой руды (бельгийцы оставляли цинковую руду, видимо, из-за отсутствия технологии получения из неё металла). Иван Антонович организовал добычу и переработку этого цинкового отвала, и хоть незначительная, но отдача в тот тяжелый период была кстати. Работали на добыче руды из отвалов, конечно, одни женщины. Даже сейчас, спустя почти 60 лет закопашки-забои еще не «зажили», их видно хорошо.

...Впервые я видел так много вооруженной охраны на предприятии. В любой цех можно

было попасть только при наличии на удостоверении определенной отметки – знака данного цеха. Было непонятно – в чем необходимость такого количества работников круглосуточной охраны (и их содержания). В 1945 году рудник получил большое подкрепление рабочими кадрами, в основном забойной группы – сюда был переброшен 14 батальон здоровых, хорошо упитанных мужчин в возрасте 30–40 лет. В конце войны они были освобождены западными союзниками из немецких концлагерей для военнопленных. Американцы их откормили, оказали медицинскую помощь и передали Советскому Союзу. Они стали основной группой подземных рабочих. Если прежде на подземных работах трудилось до 50% женщин, то теперь их осталось не более 10%.

Участок шахты Артем почему-то не имел рабочих из 14-го батальона, а был укомплектован интернированными из Западной Европы – их всех называли «мадьярами», хотя здесь были представители почти всех национальностей Европы, и не только мужчины, но и женщины. Основной лагерь этого контингента находился в Нузале, а его филиал – в Галоне. Кроме I участка шахты Артем «мадьярами» почти полностью, преимущественно женщинами, была укомплектована первая линия канатной дороги. Кормили их по третьему разряду солдатского довольствия, т.е. далеко не как людей, занятых физическим трудом, и уж точно – не как подземных рабочих. Для рабочих подземных работ, в частности шахты Артем, такое питание никак не могло обеспечить восстановление затрат физических сил, и этот участок во всем Садонском Рудоуправлении никогда не выполнял планового задания и, стало быть, никогда не получал никаких поощрений (ни прогрессивок, ни иногда перепавших премий по линии МЦМ). Начальником участка был некто Призов – хорошо знал свою работу, но, видно, работал из последних сил, вид у него был болезненный, вдобавок по всему он, видно, давно потерял всякую надежду на выполнение плана с доставшимся ему контингентом. Полуголодные, никогда не работавшие в подземных условиях, на редкость тяжелых, «мадьяры» оказались на грани истощения. Они стали продавать свои украшения (кольца, серьги, браслеты, часы и т.д.). В пищеблоке нашлись недобросовестные хапуги, которые собирали все это за хлеб и кое-что из продуктов. Получалось, они продавали рабочим продукты, которые у них же и воровали, которые не доходили до общего котла.

Естественно, участок никогда не выполнял план, и его работники были лишены доплат, которые получали все другие участки. Для «ма-

дьяр», т.е. репатриированных, были совершенно безразличны планы, нормы – им зарплату совсем не платили. Страдали и те несколько человек вольнонаемных, которые работали на ключевых должностях: горные мастера, взрывники, одна пара крепильщиков, начальник участка. Все они тоже находились на положении изгоев. Начальство, конечно, видело эту вопиющую несправедливость, но его устраивало общее благополучие Рудоуправления и рудника, а отдельные «мелочи» – не тревожили.

Одна из особенностей Садона бросалась в глаза – самым важным направлением из всех работ считалось крепление выработок. Имелся даже отдельный участок крепильщиков (участок «Спуск-подъем»). Все наиболее сложные и опасные работы выполнялись рабочими этого участка: крепление и ремонт стволов шахт, камер для шахтных подъемных установок (лебедок), крепление камер для бурения наклонных подземных скважин и во всех других случаях аварийного или просто чрезвычайного характера. Важность надежного крепления выработок на Садоне, видно, всегда была актуальна потому, что геологическая структура месторождения склонна к блоковым подвижкам. Эти подвижки местами создавали колоссальное давление на крепление, и оно ломалось, как спички, хотя крепление было, как правило, дубовое (крепезный лес доставляли из Краснодарского края, где у Садона была делянка для его заготовки).

Начальником участка «Спуск-подъем» был один из самых опытных работников не только Садона, но и всего Садонского Рудоуправления – Г.К. Усков, похожий на матерого медведя; говорил он с хрипотой, косолапил тоже по-медвежьи и обладал огромной физической силой.

...Из средств массовой информации в 1946 году на весь поселок был лишь один репродуктор (черная «тарелка») на балконе второго этажа напротив площадки у конторы рудника. Он работал почти круглосуточно – передавал постановления ЦК и правительства, оповещал об успехах в отраслях производства и сельского хозяйства, транслировал материалы по культурно-воспитательной работе, а иногда по нему передавались даже футбольные репортажи между московскими командами.

О телевизоре редко кто из нас слышал, радиоприемников тоже не было, из печатной продукции – только ведомственная газета «Садонский шахтер». В то время самым важным культурным очагом для Садона и прилегающих поселков был клуб, где раньше размещалась церковь. Он был самым посещаемым местом – здесь проводились самые разные мероприятия, начиная от ежеквартального партийно-хо-

зайственного актива и кончая выступлениями приезжавшего иногда на гастроли республиканского Ансамбля песни и танцев. Много показывали кинофильмов, в основном – доставшихся по репарациям, типа «Индийская гробница», «Тарзан» и т.д.

...Теперь, оглядываясь на тот период своей жизни, я могу твердо сказать, что уверенно чувствовал себя как горный мастер. Этому способствовали хорошее здоровье и молодость, обязательность в исполнении порученного дела, выработанное с детства умение слушать более опытных работников, но и выражать несогласие с оппонентом, решать так, как считаешь правильным, как подсказывает здравый смысл и уже достаточный опыт работы в горной промышленности.

Порой безотказное выполнение поручений или просьб начальников приводила меня на грань смертельного риска. Случаев таких было немало, приведу один, наиболее характерный. Мы, горняки участка РЭШ, проходили полевой штрек на 9 горизонте на сбойку с проходимой выработкой навстречу со стороны шахты Артём. Забой – на глубине до 1,5 км от поверхности (по вертикали). По крепости пород (окварцованные граниты) других таких забоев я нигде не встречал. Кроме того, забой был «стреляющий» – с его груди время от времени, видимо, под большим давлением с треском отрывались пластинки пород и летели по штреку метров на 10–15 – могли при попадании в незащищенный участок тела тяжело травмировать. Бурить двум бурильщикам приходилось, как минимум, две смены до 24–30 шпуров.

Как-то в конце смены мне сообщили с 7 на 9 горизонт о том, что со мной срочно хочет говорить начальник участка. Я поднялся на 7 горизонт и доложил ему, что у меня все в порядке. А он мне говорит: «В этом я не сомневался, но выручи ещё раз. Заболел Рудь (один из старых опытных запальщиков), а его напарник может не справиться – испортит забой на 9 горизонте». На сбойку забоев 9 горизонта РЭШ и Артем возлагались особые надежды, этот забой был на контроле Главка. Это был Пермяков, я его уважал, он был высокоинтеллигентным человеком, этим отличался от многих других ИТР рудника. Я сказал, что забой «отпалю», он может не волноваться.

К этому времени пришел взрывник с двумя сумками взрывчатки, мы пошли с ним к забою. Я начал заряжать шпуры. Учитывая необычайную крепость пород, во врубовые шпуры я закладывал по 4 патрона (800 г), а во все остальные – по 3 патрона аммонита. По моим расчетам, взрыв должен был дать не менее 120–150 см ухода забоя. Напарнику поручил за-

готовить затравку, т.е. сделать надрезки в оплетке бикфордова шнура в разбежку 3–5 см, как это делалось обычно. Чтобы облегчить себе положение, решил спучковать шпуры от врубовых шпуров – их было 10. Остальные 16 шпуров решил поджечь затравкой. Расчет был вполне нормальный, у меня не было никаких сомнений в успехе. Но напарник, готовивший затравку, то ли по неопытности, то ли из-за элементарного неумения работать, прорезал у затравочного шнура только внешнюю оплетку и лишь в некоторых местах – достал до сердцевины. Я поджег пучок врубовых шпуров, взял у него шнур-затравку, поджег конец, а огонь пробивается редко, через несколько порезов. Забой уже наполнился газами и дымом оттого, что пучок горел нормально. Мне ничего не оставалось, как пойти на запрещенный приём – отыскивать в дыму наощупь концы неподожженных шпуров и поджигать их друг от друга.

Напарник уже успел сбежать, я остался один. Конечно, вдвоем было бы легче проделать эту работу... Я уже задыхаюсь, но ищу последние нижние шпуры, а сам чувствую – время кончилось, и мне – конец. Уже задыхаясь, тыкаясь в стенки штрека, добрался до платформы скреперной лебедки – только успел нырнуть под платформу, как загремели картечью выбрасываемые взрывами от забоя куски породы, судя по ударам о платформу, довольно крупные. Я считал взрывы – нельзя было выбраться из укрытия, пока не взорвется последний шпур. Газы к тому времени дошли до лебедки, до моего укрытия, снова стало нечем дышать... В темноте я выскочил из-под платформы скреперной лебедки, побежал по штреку, шатаюсь из стороны в сторону. На моё счастье все шпуры уже взорвались. До рудничного двора шахты РЭШ от забоя было около 1000 метров, я отдышался пока дошел, вижу, мой напарник стоит бледный, дрожит, даже жалко его стало, хотя он и заслуживал хорошей трепки.

...Незаметно для себя я отработал год с небольшим, шел уже 1947 год. Я особенно ни с кем не сходил, но чувствовал уважение и своих подчиненных, и коллектива горняков рудника. В первых числах апреля 1947 года меня неожиданно вызвал начальник рудника, Г.В. Хетагуров, и ознакомил с приказом по Садонскому Рудоуправлению о том, что я назначен начальником участка № 1 шахты Артем. На мой протест и решительное несогласие он заявил, что приказ подписал директор Рудоуправления, он ничего не может изменить: «Езжайте завтра в Мизур и там договаривайтесь с руководством». На следующий день пошел принимать участок в качестве его начальника...